

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1979

Х. ХАМИДОВ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Изучение письменных памятников каракалпакского языка имеет сравнительно короткую историю.

Первые попытки собирания материалов по каракалпакскому языку, связанные с записями произведений устного народного творчества, их публикацией и последующим изучением, относятся к концу XIX и началу XX века. В 1895 году собирателем казахского фольклора А. Диваевым был записан арабским письмом каракалпакский героический эпос «Алпамыс-батыр», услышанный им от сказителя, жителя Турткульской волости Амударьинского отдела Джиямурада Бекмухаммедова, изданный впоследствии в Ташкенте¹. В тот же период А. Диваев записал тем же письмом текст каракалпакского героического эпоса «Шура-батыр», опубликованный в переводе на русский язык уже после Октябрьской революции².

Эпические произведения устного народного творчества, подобные «Алпамыс-батыр», с момента их записи и последующего опубликования становятся уже памятниками письменности, отражающими особенности языка времени их фиксации. Таким образом, текст записанного варианта каракалпакского эпоса «Алпамыс-батыр» является одним из важных письменных источников, содержащих ценные сведения по истории каракалпакского языка³.

При записи и особенно публикации текста эпоса А. Диваев обратил внимание на то, что его язык заметно отличается от современного казахского языка и изобилует значительным количеством арабских и персидских заимствований⁴, характерных для памятников старокаракалпакской письменности дооктябрьского периода⁵.

При подготовке текста к изданию А. Диваев снабдил его лексико-грамматическими комментариями этимологического характера: исто-

¹ А. Диваев. «Алпамыс-батыр», киргизская поэма, записанная каракалпаком Турткульской волости Аму-Дарьинского отдела Джиямурадом Бекмухаммедовым. — «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. X. Ташкент, 1902, стр. 1—88.

² А. Диваев. Шура сын Нарик-батыра, каракалпакская былина Аму-Дарьинского отдела. — «Труды Общества изучения Киргизского края», выпуск III. Оренбург, 1922, стр. 117—126.

³ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Т. II. М., 1952, стр. 11; Қ. Аимбетов. Алпамыс дастанының Жиемурат жырау варианты тууралы. — Журн. «Амударья», 1958, № 6. Некис, стр. 118.

⁴ А. Диваев. «Алпамыс-батыр»... Указ, сборник, стр. 2.

⁵ Н. А. Баскаков. Состав лексики каракалпакского языка и структура слов. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», часть IV. Лексика. М., 1962, стр. 76.

рико-географическими толкованиями таких названий, как «Джидали-Байсун», разъяснением слов иноязычного происхождения, как, например, *پير* *пир* 'старик', *قلندر* *қаландар* и *قلندر خانہ* *қаландар-хана* 'место жительства дервишей', *غایب ایران* *гаиб эран*, *خضر* *хызыр*, *ارواح-ارواق* *аръах* 'души святых', *سنی* *сүнни* и др. В своих комментариях к этим словам А. Диваев ссылается на известный словарь Л. З. Будагова.

Этого же принципа придерживался А. Диваев и при издании русского перевода текста каракалпакского эпоса «Шура-батыр».

Советские ученые, занимавшиеся изучением каракалпакского языка, его говоров и диалектов, а также фольклора и письменных памятников, были первыми исследователями указанных эпических произведений. Автор капитальных работ по каракалпакскому языку Н. А. Баскаков одним из первых отметил, что «опубликованные А. Диваевым тексты эпических сказаний в арабской транскрипции, несмотря на несовершенство арабской графики и традиции старого письменного языка его корреспондента каракалпака Джиямурада Бекмухаммедова, все же отражали некоторые характерные черты каракалпакского языка, например, чередование *й* и *дж* в начальной позиции: *يول* || *جول* 'дорога'; соответствия *ш* и *с*: *باش* || *باس* 'голова'; соответствия сочетаний „чагатайского *огь* и каракалпакского *уь*: *تودی* || *توغدی* 'он родился'"; аффикс исходного падежа староузбекского *-дин* и каракалпакского *-дан*: *دين* || *دان*; аффикс деепричастия прошедшего времени *-уп* и *-ып*: *الوب* || *الب* 'взяв' и пр. Таким образом, тексты А. Диваева, в отличие от отдельных каракалпакских примеров Г. Вамбери и переводов Риза-Кули-Мирзы и А. Россиковой, позволяли уже в большей мере судить как об особенностях языка, так и о характере каракалпакского фольклора»⁶.

Тексты записей упомянутых эпических произведений стали в дальнейшем объектом исследования каракалпакских фольклористов К. Аимбетова, И. Сагитова, К. Максетова и др.

К. Аимбетов в своих работах⁷, занимавшийся литературоведческим анализом текстов, не оставил без внимания и их язык. Он высказал мнение, что язык их является исконно каракалпакским с некоторыми элементами староузбекского языка. В подтверждение этого им приводятся соответствия согласных *с ~ ш*, *ж ~ й* и т. д. в ряде слов.

И. Сагитов также отмечает, что язык текстов каракалпакский, однако испытавший влияние узбекского языка, на что указывает наличие в нем, по его выражению, «слов йокающего диалекта»⁸.

Обстоятельнее других язык каракалпакского эпоса исследовал К. Максетов. Он отмечает ряд фонетических особенностей языка дореволюционных записей «Алпамыс-батыр» и «Шура-батыр», ссылаясь в основном на факты, приведенные Н. А. Баскаковым. Однако утверждение К. Максетова о том, что арабский текст эпоса «Шура сын Нарик-батыра» был опубликован в четвертом томе сборника «Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока» в Ашхабаде в 1922 году, неверно⁹. В действительности русский перевод текста поэмы «Шура сын Нарик-батыра» был опубли-

⁶ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, стр. 11.

⁷ К. Аимбетов. Указ. раб.; его же. Халық даналығы. Нөкіс, 1968, стр. 85—90.

⁸ И. Т. Сагитов. Каракалпак халқының қаһарманлық эпосы. Нөкіс, 1963, стр. 199.

⁹ К. Максетов. Қарақалпақ қаһарманлық дәстанларының поэтикасы. Тошкент, 1965, стр. 12—13.

кован не в Ашхабаде, а в Оренбурге, и не в четвертом томе «Протоколов», а в третьем выпуске сборника «Труды Общества изучения Киргизского края».

Одновременно эти произведения изучались и в лингвистическом плане¹⁰.

После А. Диваева сбором материалов по каракалпакскому языку стали заниматься и русские ученые. Как отмечает Н. А. Баскаков, «более точными по транскрипции из опубликованных до революции каракалпакских текстов, впрочем, также на арабской графике, являются образцы... эпоса и преданий каракалпаков с переводом на русский язык И. А. Беляева, студента факультета восточных языков Петербургского университета, изучавшего в 1903 г. каракалпакский язык непосредственно у каракалпаков в Нукусе и Чимбае»¹¹.

К. Аимбетов и И. Сагитов отметили также явные следы влияния на язык текстов южного диалекта каракалпакского языка¹².

К. Максетов, специально изучающий языковые особенности дореволюционных записей и изданий каракалпакского эпоса, главным образом текста эпоса «Ер Қоблан», записанного И. А. Беляевым в 1903 году, в качестве «особо интересных явлений» в языке последнего эпоса отмечает наличие в нем несвойственных современному каракалпакскому литературному языку и его орфографическим нормам соответствий звуков *ж ~ й*, *й ~ ж*, а также некоторых форм ладежных аффиксов и служебных слов, таких, как *-дан/-дән*, *-дын/-син*, *-ның/-ниң*, *билән*¹³.

Языку каракалпакских эпических произведений К. Максетовым посвящается специальная глава, в которой делается им не совсем удачная попытка проанализировать их языковые особенности и принципы передачи каракалпакских звуков арабским алфавитом¹⁴. К. Максетовым рассматриваются отдельные вопросы графики и транскрипции, фонетические и грамматические особенности текста. Тем не менее и в этой работе отсутствует всесторонний лингвистический анализ текста. Имеются ошибки и в разборе особенностей арабского письма применительно к тюркским языкам, в том числе к каракалпакскому. Допущены отдельные неточности и в объяснении некоторых фонетических особенностей языка. Вызывают возражения и некоторые утверждения исследователя: правильное считать, что соответствия *й ~ ж* и ряда других согласных — не только результат влияния других языков, но прежде всего фонетическая особенность самого каракалпакского языка¹⁵.

Сбором, изучением в историческом плане и публикацией памятников старокаракалпакской письменности систематически занимался С. К. Камалов¹⁶. Именно им были впервые выявлены в архивах Москвы,

¹⁰ Д. С. Насыров, Х. Хамидов. Памятники дореволюционной каракалпакской письменности. — «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР». Нукус, 1961, № 4, стр. 40—49.

¹¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, стр. 11.

¹² К. Аимбетов. Халық даналығы, стр. 8—9; И. Т. Сагитов. Указ. раб., стр. 107.

¹³ К. Максетов. Указ. раб., стр. 12—13.

¹⁴ Там же, стр. 236.

¹⁵ С. Е. Малов. Каракалпакский язык и его изучение. — «Каракалпакия» («Труды первой конференции по изучению производительных сил ККАССР»), т. II. Л., 1934, стр. 200; Е. Д. Поливанов. Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка. — «Труды хорезмской экспедиции». Ташкент, 1933, стр. 27; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, стр. 75—86.

¹⁶ С. Камалов. Подлинные исторические документы о восстаниях каракалпаков 1855—1856 гг. против хивинских ханов. — «Вестник ККФАН Узбекской ССР». Нукус, 1964, № 4; его же. Новые данные о Кунградском восстании 1858—1859 гг. — «Вестник ККФАН Узбекской ССР». Нукус, 1965; его же. Каракалпаки в XVIII—XIX веках. Ташкент, 1968.

Ташкента и Оренбурга весьма ценные источники по истории и языку каракалпакского народа. Именно его находки положили начало специальному изучению памятников старокаракалпакской письменности.

Каракалпакскими учеными был обнаружен ряд рукописей произведений классиков каракалпакской литературы XIX века. Наряду с автором данной статьи собиранием и публикацией рукописного наследия дореволюционных каракалпакских поэтов занимались К. Мамбетназаров, К. Байниязов, К. Мамбетов, Н. Жапаков и др.

Однако следует признать, что дореволюционные каракалпакские письменные памятники все еще не стали объектом специального всестороннего лингвистического исследования.

Исключений из этого общего положения весьма немного¹⁷.

¹⁷ См., например: Х. Хамидов. Язык юридических документов XVIII—XIX веков и его отношение к современному каракалпакскому литературному языку. Канд. дисс. Ашхабад, 1966. Хранится в Фундаментальной библиотеке Академии наук Туркменской ССР; *его же*. Қарақалпақ тили тарихының очеркleri. Нөкис, 1974, стр. 295—339; Д. Саитов. Язык каракалпакских поэтов XVIII—XIX вв. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1971.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ—1985

Х. ХАМИДОВ

О КАРАКАЛПАКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА*

Каракалпакский язык обычно относят к группе младописьменных языков СССР¹. Однако существует также мнение, что каракалпакский язык является старописьменным² и имеет письменные памятники, созданные в дооктябрьский период.

На наш взгляд, справедливой является классификация языков народов СССР, согласно которой они делятся на три группы: 1) языки, имеющие давние письменные традиции (к ним относятся узбекский, азербайджанский, татарский и др.), 2) языки, использовавшие ту или иную письменность, не отражавшую, однако, полностью все их фонетические особенности (казахский, башкирский и др.) и 3) языки, не имевшие никакой письменности (языки некоторых народов Сибири и Крайнего Севера³). Каракалпакский, по нашему мнению, следует отнести ко второй из этих групп, то есть к младописьменным языкам⁴.

До Великой Октябрьской революции каракалпаки использовали письменность, основанную на арабской графике, не отражавшую в полной мере фонетические особенности каракалпакского языка.

В 50-е годы в каракалпакском языкознании было распространено мнение, отрицавшее существование каракалпакской письменности, а следовательно, и письменной литературы до революции. В те же годы, однако, высказывались и другие суждения, согласно которым письменные традиции существовали и до революции⁵.

В начале 60-х годов были обнаружены рукописи произведений дореволюционных каракалпакских поэтов и старые документы юридического характера. Эти находки стимулировали дальнейшие поиски рукописных памятников, продолжающиеся и в настоящее время.

* В основу данной и двух последующих статей настоящей рубрики положены тексты докладов их авторов (Е. И. Коркиной и Г. Садвакасова) на XI пленарном заседании Советского комитета тюркологов, состоявшемся 18—19 марта 1985 года в Москве.

¹ А. А. Коклянова. Каракалпакский язык. — В сб.: «Младописьменные языки народов СССР», М.—Л., 1959, стр. 91.

² Н. А. Баскаков. Роль уйгуро-карлукского литературного языка караханидского государства в развитии литературных тюркских языков средневековья. — «Советская тюркология», 1970, № 4, стр. 15.

³ К. Х. Ханазаров. Сближение наций и национальные языки в СССР. Ташкент, 1963, стр. 47.

⁴ Х. Хамидов. К вопросу о каракалпакской письменности до Октябрьской революции. — В кн.: «Исследования по каракалпакскому языку». Нукус. 1971, стр. 59.

⁵ Б. Исмаилов. Каракалпак классик поэзиясының жазба әдебиятлық характерлиги ҳаққындағы мәселеге. — Журн. «Эмүдәрә». 1959, № 3.

Новые находки и изучение их в историческом и филологическом плане позволили ученым приступить к тщательному исследованию вопроса о зарождении каракалпакской письменности и письменной литературы. В своей специальной работе М. К. Нурмухаммедов связывает зарождение каракалпакской письменной литературы с ногайлийским периодом истории каракалпаков (XIV—XV вв.), когда начала формироваться каракалпакская народность⁶. И. Т. Сагитов относит начало истории каракалпакской литературы к эпохе создания орхоно-енисейских надписей (VII—VIII вв. н. э.)⁷. К. Мамбетов в данном вопросе пошел еще дальше: он включает в историю каракалпакской литературы наряду с орхоно-енисейскими письменными памятниками и факты, приведенные в «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари, а также фольклорные материалы⁸.

Известно, что история письменной литературы и литературного языка тесно связана с конкретной историей самого народа. Первое письменное упоминание о каракалпаках, приведенное в ярлыке бухарского эмира, где они упоминаются наряду с другими народами, живущими в низовьях Сырдарьи, относится к концу XVI века. В дальнейшем отрывочные сведения о каракалпаках встречаются в русских источниках, а также в хрониках хивинских летописцев⁹. Что же касается ранних этапов истории каракалпаков, то есть периода до XVI века, то здесь все строится в основном на гипотезах, догадках и косвенных свидетельствах¹⁰.

Каракалпаки, как известно, в русских письменных источниках были впервые упомянуты в середине XVIII века в связи с их стремлением установить тесные контакты с Россией. Это так называемые документы «Ахид-нама», то есть клятвенные обещания и письма предводителей каракалпакских родов и племен, духовенства и хана к русской императрице Елизавете Петровне в 1743 году¹¹.

С этого времени и до середины XIX века никаких письменных памятников каракалпакского языка не сохранилось. Серединой XIX века датируются некоторые юридические документы и произведения каракалпакской поэзии.

Каракалпаки издавна имели тесные связи с родственными тюркскими народами Средней Азии и Казахстана, отчасти Поволжья. Основная часть каракалпакской народности с конца XVII и до середины XVIII века населяла земли в среднем течении и в низовьях Сырдарьи, ведя полукочевой образ жизни. Главными занятиями были земледелие, скотоводство и рыболовство. Каракалпаки находились в зависимости от казахских ханов. Часть населения была под властью бухарского эмира. В дальнейшем, спасаясь от набегов жунгаров, каракалпаки вместе с частью казахов переселились в верховья Сырдарьи и на территории юго-западнее Ташкента. Другая часть каракалпаков и казахов перекочевала

⁶ М. К. Нурмухаммедов. О зарождении письменной литературы у полуоседлых и кочевых тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана (на примере каракалпакской литературы). Ташкент, 1970.

⁷ И. Сагитов. Каракалпак әдебияты тарихының гейпара мәселелери. — Журн. «Әмүдәрья», 1972, № 2.

⁸ К. Мамбетов. Әйемги каракалпак әдебияты. Нөкис, 1976.

⁹ П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков. — В сб.: «Материалы по истории каракалпаков. Труды Института востоковедения АН СССР», том VII, М., 1935, стр. 33—35.

¹⁰ См.: «Очерки истории Каракалпакской АССР», том I, Ташкент, 1964, стр. 125—133.

¹¹ Х. Хамидов, Д. С. Насыров. Памятники дореволюционной каракалпакской письменности. — «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 1961, № 4, стр. 42—52; Х. Хамидов. Каракалпақлардың антлары. — Журн. «Әмүдәрья», 1963, № 4, стр. 107—114; С. Камалов. XVIII әсирдеги каракалпак-рус қатнасықлары. Нөкис 1966.

в низовья Сырдарьи, к Аральскому морю. Это привело к разделению каракалпаков на «нижних» и «верхних».

Впоследствии верхние каракалпаки попали под власть жунгаров, а нижние, оставшиеся во владениях казахских ханов Малого жуза, навсегда обосновались в Северном Хорезме. Здесь они приобщились к укладу жизни и культуре народов Хорезмского оазиса и Средней Азии в целом. Среди каракалпаков появились грамотные люди, стали распространять-ся книги.

После занятия Хивы русскими войсками в 1873 году часть каракалпаков, населявших правое побережье Амударьи, приняло российское подданство. Позднее здесь был создан Амударьинский отдел, подчинявшийся генерал-губернатору Сырдарьинской области Туркестанского края. Вхождение в состав России, ставшее поворотным этапом в истории каракалпаков, оказало влияние на всю их культурную жизнь, что нашло отражение в художественных произведениях и письменных документах того времени.

В дореволюционной Каракалпакии обучение, образование и письменность были тесно связаны с культурными традициями в этих областях народов Средней Азии. Много книг завозилось из Индии, Казани, Стамбула, Каира, Тегерана; они сразу же переписывались и распространялись¹².

Однако главным источником духовной пищи народа были произведения устного народного творчества, которые передавались из поколения в поколение. Особенной популярностью пользовались такие эпические поэмы, как «Едиге», «Коблан», «Алпамыс», «Қырық қыз», «Шарьяр», «Маспатша», «Ер-Шора», «Ер-Зийуар».

Все это создало необходимые предпосылки для возникновения собственно каракалпакской письменной литературы в XIX веке, о чем свидетельствуют обнаруженные нами рукописи сочинений каракалпакских поэтов Хаджинияза и Бердаха. Эти основоположники каракалпакской письменной литературы творчески использовали богатейшее наследие тюркоязычной литературы, прежде всего узбекской и туркменской, в сочетании с традициями каракалпакского устного народного творчества.

Каракалпакский литературный язык дореволюционного периода был органически связан с письменной литературой. Все тюркоязычные народы среднеазиатского региона пользовались литературным тюрки, причем у каждого из этих народов он имел свои особенности¹³. Одним из локальных вариантов среднеазиатского тюркского литературного языка был каракалпакский литературный язык XIX—начала XX века.

Дореволюционный каракалпакский литературный язык, судя по имеющимся письменным данным, носил весьма смешанный характер. Одни ученые считали его старым книжным или, попросту говоря, узбекским языком (только не каракалпакским), другие — книжным языком с отдельными элементами каракалпакского языка, а третьи — каракалпакским письменным литературным языком феодальной верхушки, близким по своим нормам к староузбекскому. Такая различная оценка литературного языка для раннего этапа его становления явление, вообще-то говоря, типичное. Подобные взгляды на литературный язык выска-

¹² Х. Хамидов. Шығыс қолжазбалары. — Газ. «Совет Қарақалпақстаны», 1972, 19 мая.

¹³ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 16; Э. Р. Тенишев. Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте. — «Вопросы языкознания», 1979, № 2, стр. 86.

зывались и русскими учеными-лингвистами о литературном языке Древней Руси. Например, А. А. Шахматов писал: «...это перенесенный на русскую почву церковнославянский, по происхождению своему древнеболгарский, язык в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие»¹⁴. С. П. Обнорский же считал этот литературный язык исконно русским, подвергшимся воздействию церковнославянского¹⁵. А по мнению В. В. Виноградова, литературный язык в Древней Руси был един, хотя и двух типов — книжно-славянского и народно-литературного¹⁶.

Все эти положения в известной степени могут быть отнесены и к каракалпакскому литературному языку дооктябрьского периода. В то время, как известно, образцом для него послужил староузбекский литературный язык, под непосредственным влиянием которого и возник каракалпакский письменный литературный язык. Действительно, если судить только по данным отдельных письменных памятников, например каракалпакских юридических документов и отдельных стихотворений Хаджинияза, то создается впечатление, что это староузбекский язык, перенесенный на каракалпакскую почву. Более широкое привлечение письменных памятников каракалпакского языка дореволюционного периода позволяет заключить, что в XIX—начале XX века уже существовал каракалпакский литературный язык, испытывавший на себе значительное влияние староузбекского языка.

Влияние староузбекского языка на языки каракалпакских письменных памятников не было одинаковым. Наиболее сильно оно сказалось в языке официальных документов и некоторых сочинений поэта Хаджинияза, слабее — в языке сочинений поэта Бердаха и дореволюционных записей на арабском алфавите каракалпакских эпических произведений. «Литературный язык — категория историческая: степень обработанности, строгость отбора и регламентации могут быть неодинаковыми не только в разных литературных языках, но и в разные периоды истории одного и того же языка»¹⁷.

До XIX века у каракалпаков существовала лишь устная форма литературного языка. Из-за почти поголовной неграмотности средневековый тюрки был не доступен народу. Однако в дальнейшем тюрки, а позже — староузбекский язык, послужили образцом для формирования письменного литературного языка каракалпаков¹⁸.

Формировавшийся каракалпакский литературный язык имел наддиалектный характер¹⁹. «Нормы такого языка — еще очень зыбкие в период существования народности — замыкаются в то время в узких пределах письменно-литературного языка и не оказывают заметного влияния на общенародный язык и его диалектные ответвления»²⁰. В

¹⁴ А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, стр. 8.

¹⁵ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 6.

¹⁶ В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка (IV Международный съезд славистов). М., 1958.

¹⁷ «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка». М., 1970, стр. 502.

¹⁸ См.: Г. Ф. Благова. Некоторые вопросы развития средневекового среднеазиатского тюркского литературного языка. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 71.

¹⁹ См.: А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970, стр. 87.

²⁰ В. В. Виноградов. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978, стр. 180.

этой стадии развитие литературного языка, как правило, бывает обусловлено тремя факторами: 1) преемственностью литературных традиций, если таковые имеются; 2) межплеменным диалектным смещением в результате воздействия политического и культурного центра формирующейся нации и 3) сближением литературного языка с устной речью населения политически ведущей провинции²¹. Такой провинцией в предреволюционной Каракалпакии была ее северная часть, на основе диалекта населения которой впоследствии окончательно сформировался современный литературный язык.

Следует подчеркнуть, что каракалпакский литературный язык XIX—начала XX века еще нельзя считать «письменным языком»²². В этот период шел процесс сближения письменного литературного языка с устной речью каракалпаков, о чем свидетельствуют сочинения поэтов Хаджинияза, Бердаха, записи произведений устного народного творчества. В литературный язык того периода начала активно вливаться народная речь, определившая его дальнейшее развитие.

Письменные памятники, представляющие каракалпакский литературный язык дореволюционного периода, по их стилевым и жанровым особенностям можно разделить на нижеследующие группы.

1. Письменные памятники официально-делового стиля. Сюда относятся переписка каракалпаков с русскими властями, в частности письмо каракалпакского хана Ишим Мухаммеда царю Петру Первому (1725) и письма-присяги каракалпаков, написанные ими в 1741—1743 годах с просьбой о принятии их в подданство русского государства. Количество последних более тридцати и все они объединяются под общим названием «Ахид-нама». Сюда входит письмо-послание нижних каракалпаков русской императрице Елизавете Петровне, написанное также в 1743 году и названное «Елчи-нама», а также документ, известный под названием «Ярлык-нама» — перевод грамоты, выданной каракалпакским послам от имени императрицы Елизаветы Петровны, в которой официально провозглашается принятие нижних каракалпаков в русское подданство. К этой группе документов относятся переписка каракалпаков с русскими пограничными властями с просьбой о поддержке народно-освободительных выступлений каракалпаков против хивинских ханов в середине XIX века, а также многочисленные документы официально-делового, юридического, эпистолярного характера, написанные в конце XIX—начале XX века.

Язык каракалпакских письменных памятников этой группы по своим стилевым модификациям, зависевшим от традиции канцелярской переписки тех времен, носит весьма смешанный характер. Справедливость того, что «от назначения документов, их формы зависит степень отражения особенностей народно-разговорного, или точнее говоря, устной разновидности литературного языка»²³ подтверждается документами. Например, в документах XVIII и середины XIX века, составленных по образцу официальных канцелярских писем, очень мало отражались особенности каракалпакского народно-разговорного языка. Приведем пример: *бен төбен исимленмиш ахид етиб ант етәмен ол барчага қудрәтли аллахның исми шәрийфи илә аның улуғланмыш қуран шәрийфи алдында шул себебли ким тиләймән хәм үзәримә лазымдур ол улуғ падишахымыз ҳәзрәтләриниң хассә нәсил тарийқыңча улуғланмыш падишахымыз*

²¹ См.: Т. А. Дегтерева. Становление норм литературного языка. М., 1963, стр. 162.

²² См.: З. Н. Кумахова. Развитие адыгских литературных языков. М., 1972, стр. 6.

²³ Э. Р. Тенишев. Функционально-стилистическая характеристика древнеуйгурского литературного языка. — В сб.: «Социальная и функциональная дифференциация литературных языков». М., 1977, стр. 71.

императрица Елизавет Петровна... 'Я, нижеименуемый, даю клятвенное обещание и клянусь святым именем всемогущего Аллаха и почитаемым священным Кораном его в том, что я признаю повелителем своим и считаю своим долгом исполнять все указания ее императорского величества Елизаветы Петровны...'

Документы, язык которых не столь скован канонической формой, обычно встречаются начиная с конца XIX века. Однако и тут немало документов (долговые квитанции, повестки, договоры о продаже земельных участков), составленных строго по шаблону: сперва приводится год составления документа, часто по летосчислению хиджры (нередко указывается и год по новому летосчислению), а также месяц, число, номер документа, потом имя получателя с его данными, этнической принадлежности, местом жительства, затем содержание сделки, имена свидетелей. Такая форма составления юридических документов практиковалась еще у древних уйгуров²⁴.

При столь строго канонической форме составления документов проникновение в их язык разговорных элементов было, конечно, сильно затруднено. Зато элементы народного языка значительно свободнее проникали в язык частной переписки, в более пространственные документы, где обстоятельно описывались условия сделки, состояние объекта сделки и т. д. Все эти документы способствовали становлению официально-документального стиля современного каракалпакского литературного языка²⁵.

2. Стиль памятников художественной литературы (поэзии). Среди произведений художественной литературы (поэзии) наибольшую роль в формировании литературного каракалпакского языка сыграли произведения таких замечательных представителей каракалпакской литературы XIX века, как Хаджинияз и Бердах. Если для стихов Хаджинияза характерна приверженность традициям письменной литературы на тюрки, и у него немало произведений, написанных в народном стиле, то Бердах отличается стремлением сочетать традиции письменной и устной форм литературного творчества.

У Хаджинияза довольно часто отмечается непоследовательность в употреблении фонетических и морфологических форм:

*Бағлар лала о лур келсе хуб бахар,
Қазан урса солар рунчалы гулзар...
Иигит қашшақ б о лур сөхбәти болмас,
Ағайин халқ ара изәәти болмас,
Мейлис мерекеде хурмәти болмас,
Иигит қашшақ о луб малдын айрылса.
...Дәх дегәндә озан қанатлы қушдан
Туйағы тағалы алтун кумушдән...
'Зацветут сады, когда придет весна,
Увянут они от холода поздней осени...
Беднеет джигит — покидают его друзья,
Теряет почет среди сородичей своих.
Не будет уважения и в обществе ему,
Если он бедный и лишен состояния.
...Если умело понукать, обгонит и птицу
Конь добрый, быстрый, подкованный золотыми подковами...'*

В этих отрывках глагольная форма будущего времени употребляется в различных фонетических вариантах: в одной строфе в виде *олур*, а в другой — *болур*. Подобная непоследовательность наблюдается и в

²⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 200—219; Э. Р. Тенишев. Функционально-стилистическая характеристика..., стр. 72.

²⁵ Е. Бердимуратов. Развитие каракалпакской лексики в связи с развитием функциональных стилей литературного языка. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1973, стр. 59.

употреблении форм исходного падежа: *малдын айрылса, қанатлы қушдан, күмүшдән*. Такая непоследовательность в употреблении фонетических и морфологических форм у Хаджинияза, видимо, объясняется тем, что он, во-первых, стремился следовать образцам письменно-литературной традиции своего времени, во-вторых, он просто не мог не считаться с особенностями своего родного языка. У Бердаха в употреблении указанных и других форм явно чувствуется стремление к постоянству, хотя, конечно, он иногда смешивает различные формы.

*Өзбәк йәнә зағийф алды
Қалыңы йетти сан болды
Йетти сан ат шуннан қалды
Оннан үч уғыл туғған екән.
Йашлықда киймишем қалғақ
Иғри ердим тилим йалғақ
Қолдағлы едим қарақалғақ,
Қоңырат болур асыл зады.*

‘Узбек опять брал себе жену
Платил калым за нее в семи санах,
От того пошло название семь санов.
Родились от него три сына, говорят.
В юности я, как было, носил шляпу.
Был я неуклюж, язык был груб.
Каракалпак я из рода колдаглы,
Происходящего из племени конырат’.

3. Памятники фольклорного стиля. Произведения, входящие в эту группу, различны по жанру, это: а) дореволюционные записи и публикации каракалпакских героических эпосов, в их числе «Алпамыс», «Шора батыр» (записанные А. Диваевым в конце XIX века от каракалпакских сказителей Бекмухаммеда и Нигматуллы), а также каракалпакские героические эпосы «Ер Коблан» и «Едиге» (записанные и опубликованные И. А. Беляевым); б) дореволюционные списки многочисленных лиро-эпических дастанов-поэм: «Гарип ашык», «Безирген», «Шарьяр», «Хуршид-Зийуар», «Қасым», «Кумрыхан», «Тулумбий», «Зийнеб» и др.

Язык этих произведений, особенно первой подгруппы, состоящей из народных героических эпосов, характеризуется явно выраженной тенденцией к сближению с народно-разговорным языком каракалпаксов конца XIX и начала XX века. В фонетическом отношении традиционные *ш, ч, й*, характерные для языка большинства памятников, здесь начинают заметно уступать свое место народным вариантам этих согласных — *с, ш, ж*:

*Салқын менән жол жүрди
Сағым менән өндүрди
Қарсақ жүрмәс қалыңнан
Өтүб мүннан барады
Тұлқи жүрмәс түнәйдән
Түнде кетиб барады.*

(«Коблан»).

‘Ехал он вечерней прохладой,
Проехал больше утренней зарей.
Чашобу, где и волку не пролезть,
Одолеет он и продолжит путь.
Едет он в такой крошечной тьме,
Где и лисице не найти дорогу.’

*Темир қазық айма,с,
Тас бурчақдай жаймаса
Тоқтамасман бул жолда
Қос аман бол муңлығым
Ағаң келур өлмәсә.*

(«Шора батыр»).

‘Если Полярная звезда не переместится,
Если не посыплются камни на меня, как град,
Не остановлюсь я на этом пути своем.
Пребывай в благоденствии, сестренка моя,
Вернется брат твой, если он не погибнет’.

Сближение с народно-разговорным языком отмечается и в области грамматики и лексики, где в конструкциях отдельных предложений типа: *Шамай кэл айтады, эй Қобланлы Барса келмәс шәхринди бармақ тугәл жолын хәм көргәнимиз жоқ, бизләргә бир саат тамам жол жүрсәк хәм пайдады деб Кобланға қарамады* ‘Эй Кобланлы, мы не только не бывали в твоём городе Барса келмес, но даже дорогу туда не видели. Нам не зачем тут задерживаться, если проедем хотя бы одну часовую дорогу и то нам полезно, — сказал Шамай-кел и ушел дальше’, преобладают черты, присущие каракалпакскому народно-разговорному языку. Произведения лироэпического жанра, составляющие вторую разновидность памятников фольклорного стиля, в основном примыкают к первой подгруппе. В данных фольклорных произведениях чувствуется стремление сочетать традиционный письменно-литературный язык с устно-разговорным. Эти тенденции проявляются в широком употреблении лексико-стилистических выражений и фразеологических сочетаний, характерных для устной каракалпакской речи. Например, такие выражения и сравнения, как: *маманың Зийуарға көзи түшүб албураб не қылурын билмәди* ‘Увидев Зиуара, старуха сильно растерялась и не знала, что делать’; *Қашғанға рахмәт, куйушқанға бәрәкәт, турғанға лаһнәт деб бәдәр қачды* ‘Они воскликнули: «Да помилует бог бежавшего, да будут крепки подпруги седел наших коней, да будет проклят тот, кто здесь останется», — и убежали восвояси’; *Ач арысландек болуб дәшкәрге өзін урды* ‘Словно голодный кровожадный лев, он бросился в бой с войсками врага’ («Хуршид-Зийуар»), характерны для каракалпакских героических эпосов²⁶.

Кроме того, в языке лироэпических дастанов имеются примеры, соответствующие в основном лексическим нормам каракалпакского языка. Из последних можно привести следующие: *жар салмақ* ‘оглашать’, *йарағларын қуришаныб* ‘натянув на себя воинские доспехи’, *туңлук* ‘верхнее большое отверстие в юрте’, *сүрүк* ‘стадо овец’, *дардек болуб ишиб* ‘распухнуть, как бревно’, *керәк-йарақ* ‘нужные вещи, принадлежности’ («Хуршид-Зийуар»); *мәтгәл* — от араб. *муғаттал* ‘быстро, не дожидаясь’, *қапу* ‘дверь’, *кеңәс* ‘советовать, подсказать’, *макул* от араб. *мазкул* ‘разумно’, *улама* от араб. *улама-у* ‘ученые, знатоки’, *йан халта* ‘боковой карман’, *гирис* ‘тетива лука’, *тазы* ‘борзая, охотничья собака’, *ийтелги* ‘ловчая, охотничья птица’, *қулан* ‘дикий осел’ («Шарьяр») и т. д.

Таким образом, письменность и письменная литература у каракалпачков зародилась в XVIII—XIX веках в результате окончательного перехода основной массы народа к оседлому образу жизни в Северном Хорезме. Каракалпакский литературный язык дооктябрьского периода носил смешанный характер, сочетая в себе элементы народно-разговорного и письменно-литературного языка — среднеазиатского тюрки.

²⁶ Х. Хамидов. Жана қолжазбалар. — «Вестник Каракалпакского филиала АН УССР», 1969, № 1, стр. 82.